

Данные элементы (за исключением у, ы) варьируют в зависимости от положения в слове (предударный, заударный). Под ударением встречаются с максимальной ясностью указанные звуки в следующих конкретных случаях:

(а)

После твердого согласного: *каза́, крыла́, блаха́, стр'ьказа́, глава́*; после твердого согласного, перед твердым согласным: *ба́пкѣ, рыба́лкѣ, суда́к*; после мягкого согласного: *уз'а́л, п'а́ткѣ, з'е́мл'а́, была́*; после твердого согласного, перед мягким согласным: *л'и́е́та́йт', ма́ју*; после *j* в начале слова: *ја́ш'ьркѣ, ја́йцы, ја́сл'и, ја́лва́ѣ*; в конце слова звук характерен для флексии имен м. р., в род. падеже и ж.р. им. пад., также глагола; в начале слова возможно *а* и без йотации: *а́вы, с_а́вѣми*.

(о)

Характеризует корень имен, глаголов, в пределах древнеславянской лексики этого говора и выступает либо на месте старого этимологического «о», либо на месте *е, ъ* в случаях: *кон'ѣ, кро́л'ик, ро́зум¹, мордѣ, р'е́убро́* (следовательно и во флексии ср. з. им. п.), *л'и́цо́*, (также глагола) *было́*, после твердого согласного; *р'о́брѣ, пр'ишо́л, пам'о́р, каз'о́л, валч'о́к* (суфф. образование), *п'и́е́ч'о́нкѣ, хр'и́е́б'о́т, уч'о́рѣ; той, мой, свой*; реже встречается *о* после *j*: *пр'и́зна́јот'* (здесь *о*); интересным представляется и появление *о* на месте дифтонга в румынском заимствовании *но́т'ин* (<noaten).

(у)

Звук встречается под ударением в следующих словах, формах после твердого или мягкого согласного, в середине или в конце слова: *ру́кѣ, ру́бы, зу́бы, кѣ́мыш'у, фк'у́ч'ку, мат'у́лѣ, ку́р'ицѣ, ру́к'и, с_у́л'им'и, на слѣба́д'у, ку́куш'икѣ, раку́ш'икѣ, ч'ирк'у́н* (сверчок), *п'и́е́т'у́х, с'и́л'у́, пас'у́дѣ, шу́л'ик*; после мягкого согласного: *ваз'м'у́, з'и́е́мл'у́, дл'и́ ба́риш'у́, га́д'у́кѣ, курд'у́х*. Необходимо отметить, что в данном говоре *у* стоит на месте старого *у* (этим. <о или у), но многочисленные факты указывают на наличие *у* как результат замены *е — у*. Объяснение данного факта нам кажется возможным лишь на основании исключительной усиленной лабиализации, наличествующей в этом говоре. Этим и объясняется тот факт, что подобное явление рассматривается и в разделе вокализма, и в разделе консонантизма. Известно, что в истории славянских языков такое явление широко распространено и, в данном говоре, судя по количеству случаев, является не новым. Такое явление известно и украинскому языку, а этот говор в прошлом тесно соприкасался, взаимодействовал с говорами украинского языка, особенно, как нам кажется, с теми, которые называются «степові говори»².

Говором представляются следующие случаи: *м'и́е́доу́н'ик, п'ю́оск'ѣй, п'а́ук'и, лабо́у, ја́бл'кѣу, кро́у, кѣл'и́ро́у́кѣ, зало́у́к'и, суч'к'о́у*,

¹ Заимствование из укр. яз. (Б. Д. Гринченко, *Словарь...*, IV, 59), хотя возможно, что это издавна сохраняется в лексике говора.

² Ф. Т. ЖИЛКО, *Нариси з діалектології української мови*, Київ, 1955, стр. 176.